12+

ОЛЬГА БАРЫШНИКОВА

ПРИГОРШНЯ ТИШИНЫ

СТИХИ И ПРОЗА

Ольга Барышникова

Пригоршня тишины. Стихи и проза

«Издательские решения»

Барышникова О.

Пригоршня тишины. Стихи и проза / О. Барышникова — «Издательские решения»,

В сборник вошли стихотворения, эссе, рассказы и очерки, посвященные родным, близким, дорогим людям, знакомым и незнакомым людям, с которыми было, есть и будет о чём помолчать. Может оказаться интересна всем тем, кто случайно попадёт в зону нечаянного воздействия тихо сказанного слова.

© Барышникова О.
© Издательские решения

Содержание

Предания в приданое 6
Приданое 6
Мамина яблоня 7
Памяти мамы 8
К яблочкам 9
Ромашки для папы 10
За любовь 10
Пробуждение 11
Летняя грёза 12
Благовещение 13
В стихах о пирогах 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Пригоршня тишины
Стихи и проза

Ольга Барышникова

Фотограф Павел Эшов

© Ольга Барышникова, 2026
© Павел Эшов, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0071-5355-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предания в приданое

Приданое

И лета многие
Как вечные печали.
Мой дом и сад
Зовут уйти ко сну,
Где шьёт мне платье мама…
Чай, отчалю
В её
Пятьдесят первую весну?
Шьёт платье подвенечное
на счастье.
Пусть дочке — грёзы,
Радужные сны.
Себе же —
покаянье и причастье.
И долг — дожить
До будущей весны.
Но пролетели вёсны,
как виденье.
Уж я как мать…
Карманы теребя:
«От бабушки —
великое терпенье —
Храни, мой сын,
Прощая и любя».

Мамина яблоня

Деревья как люди. Больше, чем люди.

Помню, как дядя Коля, мамин брат, принёс два яблоневых саженца: одна яблоньки с зелёными, а другая — с красными плодами. Зелёную решил подарить нам, а красную оставить себе.

Выросла в нашем саду яблонька и дала первые плоды — бордово-красные, плотные, сочные. Перепутал, значит, дядя. Негодовал, бубнил под нос приговаривал, мол, как так вышло…

Яблоки могли храниться всю зиму. Не один год они украшали новогоднюю ёлку…

Но не стало дяди Коли — и яблонька погибла. Сломал пополам её крону сильный ветер. «Эх, и жадный же ты, братец», — упрекнула покойника мама. И посадила другую яблоньку. Тоже с красными и сочными яблочками, но раннюю.

Пять лет прошло — и новая яблонька начала плодоносить. Срок небольшой, но мама не дожила, яблочка со своей яблоньки и попробовать не успела. Нет, не забрала с собой… Всё нам оставила.

Так ведь и при жизни всё было… Детям и внукам всё лучшее, красивое и вкусное. Радость мамы как будто в том и радость, чтобы её целиком «родненьким» передать, не надкусывая, не надламывая. Поделиться можно по-братски, а по-матерински — всё целиком отдать. Я раньше не могла понять, почему мама моим обновкам, как собственным, радуется, почему она отказывает себе в малом, а мне, уже взрослой, то платье, то туфли — в подарок со своих «пенсионных». Как-то она сказала, что в молодости мечтала, чтобы у неё под каждое платье были свои туфельки. Так в её жизни не случилось. Одни единственные стоптанные туфельки, а платья — те, что сама себе шила-перешивала. Но любуясь подаренными мне нарядами, говорила: «Носи, дочка, а я радуюсь, как будто сама ношу».

Так вот эта яблонька с красными плодами — мамино наследство и завещание. При жизни мама попросила, чтобы я ей яблочки на Яблоневый Спас приносила. Она верила в легенду о том, что в этот день некрещённым младенцам дают яблочко покушать. Меня и братьев она на ноги поставила, воспитала, сил и любви не жалея. А на сестрёнку сил, видимо, не хватило, не дала ей на свет появиться… Но разве можно мне судить? Каждый год под праздник ношу плоды в храм: «Угощайся и ты, моя нерождённая сестрёнка». Конечно, это всё мамины или бабушкины сказки, но традиция угощать и живых, и мёртвых сочными плодами прижилась.

Прижилась и яблонька в моём саду. Щедрая и заботливая, как мама. Потому и дорог мне дом, и расстаться с ним не смогла после её ухода. Думала сначала продать-обменять, но как я без живых и разумных существ буду, которые меня понимают без слов? Кошки, собаки, птицы, ёжики… Но самые разумные и мудрые — деревья. И первое божество среди них — мамина яблоня. Я с ней, как с мамой, говорить могу. А однажды она меня удивила так, как никто из простых смертных не удивлял.

Мой дом всегда открыт для родных и друзей. Так было всегда и до меня. Сколько себя помню, гости — всегда в радость. Чем богаты — тем рады. Угостить всегда было чем. Родные, двоюродные, троюродные, соседи, друзья — дом вмещал всех, и как будто не было трудных лет, наоборот, в трудные периоды жили кучней и радостней. Москвичи, ярославцы, харьковчане — все вместе мы плоды одного большого дерева, наверное, тоже яблони, ведь русская пословица-то о ней: «яблоко от яблони…»

Без родителей на моём участке места для отдыха стало больше, чем места для труда. Уже нет привычной картошки, которую по традиции надо было сажать весной и выкапывать осенью, зато появился мангал — и он, можно считать, — очаг дружной семьи. В конце марта — мой день рождения, в начале октября — мамин. Традиция приезжать весной и осенью сохранилась у моих братьев. Такой земледельческий цикл получается, как у языческих предков.

Через костёр, правда, не прыгаем, но чучело Масленицы иногда сжигаем. Впрочем, это скорее шутки ради.

Однажды в сентябре мы сжигали обрезанные ветки. Костёр полыхнул и задел живую ветку маминой яблони. Я вскрикнула, как будто обожгли меня. Костёр быстро затушили. Но что станет с яблоней?

В октябре мы снова собрались с братьями вместе. Печаль и радость — иногда не различить. Шестое октября — мамин день рождения. Встреча с родными — всегда в радость, а причиной осенней встречи всегда была и осталась мама. Я загляделась на яблоню. И вдруг увидела, что на ветке, нечаянно опалённой месяц назад костром, белеют цветы. Подошла ближе к яблоне, никому ничего не говоря… Действительно, снизу до верху вдоль одной ветки зацвели цветы! Какая жажда Жизни! И день в день! Опалённая Купина! Птица Феникс! Это не сказка и не миф! Это чудо. Объяснить чудо невозможно. Мама точно говорила с нами. Радуясь вместе с нами, прощая обиды, нашла силы выкрикнуть, выплеснуть своё благословение, невыразимое словами. Цветы на опалённой ветке — как знамение.

Позже отшумевшая во всю мощь ветка, конечно, погибла. И её тоже пришлось обрезать, чтобы дать жизнь молодым побегам. Катись, катись, наливное яблочко, по серебряному блюдечку… Живи, говори с нами, мамина яблоня…

Памяти мамы

Смиряется строптивая душа,
И сердце просит воли и покоя…
А жизнь в своей основе хороша,
Когда ты знаешь, что это такое:
Прислушиваться, вздрагивать, вставать,
И в пригоршни нести живую воду,
Поить с ладоней ближнего — и ждать
Пасхальных дней в ненастную погоду.
Во тьме молиться — и благодарить
Жизнь на пределе, что прерывно дышит
Единым небом — и огонь дарить,
Предсмертную агонию не слыша…
…И не жалеть лампадного огня,
И теплить губы шёпотом родимым.
И никого на свете не виня,
За упокой — на сердце выжечь имя.

К яблочкам

Младо — зелено — в пятнах, в трещинах —
мне доверено, мне завещано…
Здравствуй, племя! от яблочка — семя,
как от яблони — яблочко — в блюдечко
с голубою каёмочкой катится —
вкруг по кромочке время пятится…
Всё уладится, да всё сбудется…
А случайное — позабудется:
не бытийное, не заветное —
худосочное да запретное —
сгинет в омутах — пропадёт!
Чудо-яблонька подрастёт!

Племя гордое, непокорное,
племя дерзкое, племя вздорное,
с чёртом водится, с лихом знается,
да и по ветру всё шатается —
но на слове-то — честном! — зиждется…
Перебесится! — соком выжмется…
И не тем пусть аршином меряно,
на иные весы положено, —
но во времени не потеряно!
И от Рода всё — всё ж хорошее!
На столе — пироги да яблоки —
славно будет всё!.. С*ловно я была…*

Ромашки для папы

Был предпоследний день весны. Во дворе белели крупные головки ромашек. Отец срывал их и бросал нам в открытую форточку. Мы с мамой сидели на диване под окном и разговаривали. Цветки летели в окно, как мотыльки — и прерывали нашу вечернюю беседу. Отец смеялся: «Моим любимым девочкам». Меня это забавляло. Маму — злило, тем более что «отрывать головки ромашкам — это же варварство!». «Рви хотя бы с ножками, чтобы в вазу можно было поставить», — пыталась мама угомонить разрезвившегося отца.

Это был его последний вечер. На следующий день, вернувшись с работы домой, я застала маму в чёрной косынке. Сердце отца внезапно остановилось. Случился второй инфаркт. Не дожил отец до нового лета.

Всё самое тёплое, что осталось в моей памяти об отце, — это ромашки и сентиментальное *«моим девочкам»*. Не помню, чтобы отец когда-либо раньше дарил цветы мне или маме… Как будто прощался, одаривая нас нерастраченной нежностью.

Однажды, задолго до болезни, отец полусерьёзно-полушутя сказал мне: «Когда умру, не трать деньги на цветы, дочка. Пройдись по лугу — нарви полевых ромашек и принеси мне на могилку».

После смерти родителей жизнь как будто поменяла русло. Сегодня до родительских могилок ходит маршрутка. Через луг с ромашками уже забыта дорога, заросла тропинка. Но язык ромашек — это тот язык, на котором мы с отцом говорим. Посадила их во дворе и у отца на могиле. Они по-отцовски кивают головой, соглашаются со мной. Никогда *«любимой доченьке»* не перечат…

2026

За любовь

У печали синие глаза.
У тоски бездонные глазницы.
На краю у мира — чудеса…
Вздрогнули испуганно ресницы.

Встрепенулись стаи райских птиц.
Зазвенели, заиграли струны:
Череда родных, нетленных лиц
Заглянула в сон мой полнолунный.

И сидим мы за одним столом
(Не пойму, кто жив, а кто далече):
Баба Аня, маменька с отцом…
Льется смех, и не смолкают речи.

Радостью исполнены сердца.
И полны, и подняты бокалы.
Не бывает у любви конца!
На краю земли — её начало.

Пробуждение

Сыну

Но как могу тебя я не любить,
Ведь плоть от плоти — ты мое творенье.
С тобой как вновь я начинаю жить —
Моя душа, мое сердцебиенье.
Во мне ты дышишь, ходишь, говоришь —
Уже ты начинаешь мерить вечность.
А если ты в минуту эту спишь —
Благословенна детская беспечность.

Я мысленно склоняюсь над тобой.
Спи, Ангел, не тревожься, тише, тише…
Все, что тебе завещано судьбой,
Я в снах твоих, как на ладони, вижу.
Мы все идем по Млечному Пути
К своим истокам, к своему Началу —
К той колыбели, где в ночной тиши
Нас, нерожденных, матери качали.

Ещё во мне ты, плод моей души.
И дух от духа — Божие творенье.
Мой Ангел, просыпаться, не спеши.
Побудь моим еще одно мгновенье…

Летняя грёза

Мне было обещано жаркое лето,
Лазурные выси, зеленый простор…
Волною, лавиной — за песней неспетой —
Теснился предчувствий нахлынувших хор.

Все пело о солнце и грезило летом.
Фотонами света лучилась душа.
И в дымке — в наряд подвенечный одета —
Палящая грёза была хороша!

Она проплывала над лугом и пашней,
Плескалась в рассветах, ныряла в закат…
Грядущим горела — и все во вчерашнем
Забыла: меня и дорогу назад.

Благовещение

Над моею крышей аист вился,
Облаком клубился в вышине…
Одинокий — в небе — ты мне снился…
Твой полёт я прервала во сне.

Думала, что голубя гоняла —
Рассекала воздух звонко плеть.
Я тебя, мой аист, не узнала:
В небе не сумела разглядеть.

Поломала трепетные крылья,
Приучила брать с моей руки…
Погибаешь, птица, от бессилья?
По-собачьи плачешь от тоски?

Что ты: мое раненое сердце?
Моя совесть? Или просто — тень?
Странно, мы с тобой единоверцы…
По-собачьи — в душу — смотрит день.

7 апреля 2007

В стихах о пирогах

Я сегодня встала с петухами,
Чтобы в доме пахло пирогами,
Чтоб послушать, как поёт мой домик,
Как сопит в подушку чудный гномик,

Чтоб в его короткий вкрасться сон,
Чтоб спросонья улыбнулся он…
Сладким, прямым запахом корицы
Снова воскресенье будет длиться…

Стук в окно — и гости на порог —
На столе мой яблочный пирог.
И до самых крайних петухов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.